

A close-up photograph of a man's torso. He is wearing a white, long-sleeved dress shirt with a pointed collar and a dark blue or black necktie. The shirt is buttoned up. The background is dark and out of focus.

Тина Сладкова

Начальник
По вызову

Тина Сладкова

Начальник по вызову

<https://litres.ru/74467363>

Аннотация

Свой тридцатый день рождения я отметила с размахом: подружки, коктейли и... случайный секс с соседом, которого по глупости приняла за «мальчика по вызову».

У меня есть всё: карьера, независимость, квартира в престижном районе. Не хватает только любви, но я давно в неё не верю. Одна безумная ночь с незнакомцем должна была стать моим личным вызовом. Он был идеален. Его прикосновения, его поцелуи...

Утром мне было стыдно, но я утешала себя мыслью, что мы — просто корабли, которые разошлись в ночи. Встретимся в лифте — кивну и пройду мимо. Судьба, как всегда, обладает чудовищным чувством юмора.

Теперь этот мужчина — мой босс. Он сидит в кабинете, который должен был быть моим, раздаёт задания и смотрит на меня так, словно помнит каждый мой вздох. Он знает мой самый постыдный секрет. И, кажется, не собирается его забывать.

Как работать с человеком, который знает тебя в самом неприличном смысле этого слова? Я ещё не придумала. Но отступать не намерена. Даже если сердце выскакивает из груди каждый раз, когда он произносит моё имя.

Книги цикла можно читать отдельно ♥#

История Кати:

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1

— Сашка, за тебя! — визгливо кричали подружки, их голоса тонули в гуле других голосов и рокочущем бите, вырывавшемся из колонок.

Музыка в баре была громкая, бесшабашная, созданная специально, чтобы заглушить любые мысли. Именно этого, в общем-то, я и хотела в свой тридцатый день рождения. Этот вечер должен был быть особенным, ярким пятном в календаре.

Я придирчиво оглядела себя в зеркале за стойкой: тёмные волосы, уложенные в небрежный, но идеально рассчитанный беспорядок, матовая помада, подчёркивающая губы. Тело — да, слегка полноватое, но в этом была мягкая, уверенная сила, которая мне самой нравилась. Я ожидала, что к тридцати уже буду замужем и, возможно, с ребёнком на руках, что жизнь сложится в аккуратную, понятную картинку из глянцевого журнала. Как оказалось, не всем планам дано сбыться.

Но жалеть себя? Я отхлебнула прохладное martini, чувствуя, как по горлу разливается терпкая сладость. Нет, причин не было. Карьера шла в гору, я могла купить туфли известного бренда, не глядя на ценник, а вчера закрыв контракт с крупной фирмой выплатила пятнадцать процентов от суммы ипотеки. Свобода была осязаемой, как холодный

бокал в руке. Вот только с мужчинами...

Тут в голове всплывал лишь парад неудачных свиданий и разочарованные взгляды, которые я ловила в свой адрес, — взгляды на «успешную, но одинокую».

Вечер, начавшийся с изящных коктейлей и тостов, стремительно скатился в вакханалию. Юлька, наша лихая зажигалка, сбросив каблуки, взобралась на барную стойку под одобрителный рёв окружающих. Её силуэт вырисовывался на фоне полок с бутылками. Мы с Катей переглянулись — диалог состоялся без слов. Снимать Юльку было бесполезно и даже опасно — мастер спорта по рукопашному бою в состоянии куража была подобна стихии. Мы сделали вид, что так и надо, что танцы на стойке — совершенно нормально.

— Тебе бы тоже не мешало хотя бы раз в жизни оторваться по-настоящему, — флегматично заметила Катя, не отрывая взгляда от Юльки, к которой теперь пристроился красивый мужчина в расстёгнутой на груди рубашке, где виднелся хорошо проработанный пресс. То, что они сейчас вытворяли, их тела, сливавшиеся в единый, пульсирующий ритм, двигались в танце далеко не невинном.

— Мне это неинтересно, — бросила я резко, и это была чистая правда.

Интрижки с мужчинами, для которых женское тело было закрытой книгой, которую они даже не пытались прочесть, а лишь судорожно листали страницы, меня не просто не устраивали — они оставляли горький привкус пустоты и

недосказанности. Мой элегантный, тихо жужжащий в ящике тумбочки вибратор был куда более чутким и внимательным партнёром.

— Слышала новость? — Катя приблизилась ко мне, и в её глазах заиграли озорные огоньки. — Если долго не заниматься сексом, портится характер. И морщины, — она сделала утрированно-грустное лицо, — появляются быстрее. Не хочешь связей — вызови специалиста. Есть же сервисы, всё цивилизованно, как доставка суши.

Остаток вечера упорно вертелся вокруг этой странной темы. Мы говорили о мужчинах, сексе, отношениях. Разошлись уже за полночь, когда музыка стала оглушительно-монотонной, а лица вокруг — смазанными. Юлька умчалась ещё раньше, утащив за руку своего танцевального партнёра, чьё имя, я была уверена, она уже не помнила. Катя торопливо застегнула пальто, уже думая о доме, о спящих детях, о муже, который, наверное, храпел перед телевизором.

Я осталась одна на промозглom тротуаре, ловя такси. Воздух пах дождём и остывшим асфальтом. Гул из бара выплеснулся вслед и тут же растворился в ночи. В кармане зажужжал телефон — очередное поздравление из соцсетей, яркий стикер с тортом. Я выключила экран. Внезапная тишина после какофонии бара была оглушительной. Тридцать. Свобода. Одиночество. Они шли рядом, сплетаясь в один странный, незнакомый ещё узор. И где-то глубоко внутри, под слоем уверенности и дорогого мартини, что-то ёкнуло — тихо,

но неумолимо.

Квартира после шумного бара встретила меня тишиной. Я успела только швырнуть туфли в угол и сбросить на вешалку пальто, как раздался резкий звонок в дверь.

«Может, Юльке не понравился мужик и она решила ко мне рвануть», — мелькнула в голове усталая мысль. Я открыла — и залипла.

На пороге стоял мужчина. Высокий, с плечами, которые, казалось, заполнили весь дверной проём. На нём были только тонкие серые штаны, очерчивающие бёдра. Футболки не было. Мой взгляд, против воли, пополз вниз, как по картине: идеально очерченные кубики пресса, мощная, накачанная грудь, загорелая кожа, которая на вид казалась гладкой и горячей. Взгляд упёрся в его губы, на которых застыла сексуальная усмешка.

В голове с грохотом сложилась картинка. Эти стервы всё-таки вызвали мне мальчика по вызову в подарок. Хотя «мальчик» — это было сильным преувеличением. Передо мной стоял мужчина, явно знающий себе цену.

Уже собиралась резко закрыть дверь, как в голову ударило: а почему бы и нет? Сегодня мой день. Сегодня можно всё.

Глава 2

— Я к вам... — начал он низким, бархатным голосом.

Я не дала договорить. Схватив его за запястье, я резко затянула в прихожую, в полумрак. Дверь захлопнулась сама собой.

— Ты красивый, — выдохнула, глядя ему прямо в глаза, — но главное, чтобы в своём деле ты был профессионалом.

— Что, простите? — Он замер, и на его высокомерно-красивом лице появилось искреннее недоумение. Бровь взлетела вверх.

— Тебя же не для разговоров позвали, — продолжала, играя навязанную роль до конца, чувствуя, как кровь стучит в висках. — Лучше покажи, что умеешь.

Не дав ему опомниться, притянула его к себе, впившись губами в его губы. Сначала он не отвечал, всё его тело застыло. Но когда я провела языком по его нижней губе, настойчиво требуя ответа, что-то щёлкнуло. Его поцелуй стал жарким, властным, захватывающим. Боже, меня так никто никогда не целовал. Этот поцелуй был отдельным, совершенным актом, который сам по себе можно было приравнять к сексу.

Мои руки, будто жили сами по себе, жадно скользили по его оголённым плечам, чувствуя игру мышц, спускались к груди, к тем самым кубикам пресса, которые так хотелось не просто потрогать, а ощутить, запечатлеть в памяти. Паль-

цы обводили каждый рельеф, каждый совершенный контур, будто слепок с древней статуи. Я провела ладонью по тонкой ткани штанов, сразу нащупав под ней твёрдый, внушительный бугор. Размер был более чем достойным — не пугающе огромным, но уж точно и не «корнюшоном».

Я слегка сжала его через ткань, и он резко, почти беззвучно, втянул воздух. Его дыхание участилось. В следующий миг он уже подхватил меня на руки так легко, будто я была на два размера меньше, и прислонил к холодной стене прихожей. Его поцелуи, переместившиеся на шею, на чувствительную кожу за ухом, сводили с ума, заставляя громко, бесстыдно стонать. Звуки, вырывавшиеся из меня, были чужими, дикими. Одна его ладонь скользнула по плечам, спуская бретельки.

— Неси в спальню, — приказала хрипло, когда он наконец оторвался от моей уже оголённой груди. Коктейльное платье на бретельках бессильно болталось на талии.

Он нёс меня на руках, а я, между его жгучими поцелуями в основание шеи, шептала направление. В спальне он аккуратно уложил меня на покрывало и двинулся следом, но я остановила его резким жестом руки.

— Разденься. Только не спешно, — произнесла, и в моём голосе звучала дерзость, подпитанная алкоголем и адреналином. — Люблю, когда сначала всё медленно... а потом жёстко.

— Как скажешь, — он лишь усмехнулся уголком губ и...

начал шоу.

Движения были медленными, театральными, полными осознания своей привлекательности. Он медленно провёл ладонью по груди, спускаясь к штанам, и одним резким движением скинул их. Боже, от одной только исходящей от него харизмы, от этого взгляда, прямого, обещающего наслаждения, уже можно было получить удовольствие.

— Очень красивый, — сказала, не отрывая взгляда от этого совершенного тела.

Чёрт, я сказала это вслух? Ладно, плевать. Контроль был утрачен, и это было блаженно.

Он медленно приближался, неотрывно сверля меня тёмным, нечитаемым взглядом. Я, не отводя глаз, нащупала в ящике прикроватной тумбы заветную пачку. Презервативы, купленные с дурацкой надеждой на возможные отношения полгода назад, шлёпнулись на простыню. Он подошёл, поставил одно колено на край кровати, взял пачку. Достал один. Разорвал упаковку зубами, не сводя с меня глаз. И так же молча начал медленно накатывать его. Я сглотнула. Вот что значит профессионал. Каждое движение выверено, эстетично, доведено до автоматизма. Его длинные сильные пальцы раскатывали латекс, и я прикусила губу, залипнув на его руках, а моя рука сама дёрнулась вниз. Вот уже мои пальцы касаются разгорячённой кожи в такт его неторопливым, методичным движениям. Как же горячо.

— Нетерпеливая, — тихо сказал он, приближаясь и оста-

навливаясь между моих широко разведённых ног, его взгляд окинул меня с головы до пят.

И, быть может, это была игра света луны, бьющей в окно, но мне почудилось, что его глаза потемнели до черноты, а в их глубине заплясали искры. Его руки скользнули по внутренней стороне бёдер, заставив меня вздрогнуть, а затем его пальцы, уверенные и знающие, нашли то, что искали. Я выгнулась навстречу его умелым, безошибочным ласкам, закусив губу, чтобы не издавать звуков.

А потом... потом мир перевернулся. Одним движением он легко развернул меня на живот и поставил на колени. Его рука впелась в мои волосы, намотала их на кулак и оттянула голову назад, заставляя выгнуться. Его губы обожгли шею поцелуем, который был скорее укусом. Затем одна его ладонь обхватила моё горло, слегка, но ощутимо сдавив, перекрывая воздух ровно настолько, чтобы в голове запрыгали звёзды, а другая легла на живот, ещё сильнее прижимая меня к нему. И он вошёл. Медленно, до конца, заполняя собой каждую клеточку. Так правильно с моим телом не управлялась, наверное, даже я сама.

Когда всё закончилось — дико, бурно, с криками, которые я глушила в подушку, — мы лежали на скомканных простынях, и, отдышавшись, я подумала: да, оно того стоило. Даже денег не жалко. Тело было приятно-тяжёлым, вымотанным, но в каждой мышце пела странная, лёгкая пустота.

— Сколько? — спросила я наконец, глядя в потолок.

— Что сколько? — его голос был хриплым и волнующим, даже после сброса напряжения.

— Сколько я тебе должна? Или тебя уже оплатили?

Воцарилась тишина, густая и натянутая. Мы смотрели друг на друга, и я вдруг увидела, как его расслабленное, удовлетворённое выражение лица начало меняться. Сначала на недоумение, потом на стремительно нарастающее оскорбление. Он резко поднялся с кровати и начал молча, быстрыми движениями одеваться, так, будто хотел стереть с себя следы всего, что произошло.

— Вот как, я уж было подумал, что пробудил страсть в привлекательной женщине, а ты, оказывается, ждала «профессионала». Но есть и плюсы, мне платить точно не нужно.

— Я... — слова просто застряли в горле, что ему сказать? Что я обычно так не делаю? Глупо. Признаться, что просто захотелось на час почувствовать себя желанной? Тоже нет.

— Я твой сосед сверху, — проговорил он ровным голосом, прерывая мои внутренние метания. — Зашёл узнать, не затопил ли я тебя. У меня днём трубу прорвало.

От его слов весь алкоголь, вся самоуверенность, вся дерзость выветрились из меня мгновенно, оставив после себя ледяную, тошнотворную пустоту. Стыд. Такого всепоглощающего, жгучего стыда я не испытывала никогда. Он накрыл с головой, сжёг дотла. Я неловко закутавшись в простыню поплелась в ванную, чтобы под предлогом осмотра спрятать пылающее лицо.

— Потолок сухой, — пробормотала в плитку, стоя рядом с этим... соседом. — Стены тоже.

— Да я уже понял, — последовал сухой, отрезающий ответ.

— Вам пора, — так же сухо сказала, наконец найдя в себе силы поднять на него взгляд, полный немой мольбы «исчезни».

Я практически вытолкала его в прихожую, сунув в руки его обувь. Дверь захлопнулась. Я прислонилась к ней лбом, слушая, как его шаги затихают на лестничной клетке. В квартире снова воцарилась тишина. Но теперь она была не давящей, а насмешливой, звонкой от хохота всей Вселенной над моим унижением. Тридцать лет. Идеальный позор в подарок.

Глава 3

Утро, как обычно бывает после весёлой ночи, наступило слишком быстро. Оно принесло с собой тупую, пульсирующую головную боль и странную ломоту во всём теле — будто меня хорошенько отходили палками. Я пошевелилась, сбрасывая одеяло, и с тихим стоном поняла: в этот раз тело ноет сверх всякой меры.

«Ну вот, — подумала, прикрывая глаза от полосы солнечного света, пробившейся сквозь щель в шторах. — Тридцать. Ты проснулась, и они пришли — эти предательские сигналы». Нет, я, конечно, понимала, что мне вчера стукнуло тридцать, но это ведь не значит, что моё тело имеет право вести себя как старая машина, разваливающаяся на части! Повода-то, вроде бы, не было: зажигательных танцев на столе я не отплясывала, марафон не бегала...

И тут, будто по щелчку, в голове всплыл образ. Идеальное мужское тело, играющее тенями и лунным светом в полумраке спальни. А следом, как лавина, накатила вся вчерашняя ночь. Каждая деталь, каждый стон, каждый взгляд. И финал.

— Какой кошмар... — я простонала уже вслух, накрываясь подушкой, словно она могла меня защитить от воспоминаний. Жар стыда разлился по щекам.

Весь долгий процесс утреннего воскрешения — от ледя-

ного душа, который не смыл чувство неловкости, до попыток привести в порядок лицо — прошёл под аккомпанемент внутреннего самобичевания. Как я могла быть такой идиоткой? Как вообще можно было додуматься затащить в постель первого встречного? И мало того, что это было дико, неприлично и абсолютно на меня не похоже, так этот «первый встречный» ещё и оказался соседом.

«Впрочем, — успокаивала себя, уже запирая квартиру, — я вполне могу его избегать. Дом большой, лифтов два. А там... всё забудется. Он наверняка тоже не в восторге от этой истории».

С этой шаткой мыслью я вышла на лестничную клетку и... зачем-то воровато огляделась, будто он мог караулить меня за углом или в тени лифта. Тишина. Лишь гул системы вентиляции. Я выдохнула, чувствуя себя немного параноиком.

Машина завелась только со второго раза, яростно фыркнув и подтвердив: сегодня определённо не мой день. Хорошо хоть, что сегодня — тот самый день большого совещания, и для всех рядовых и мелких начальников начало сдвинули на два часа. Иначе мой безупречный пятилетний рекорд «без опозданий» пал бы именно сегодня. А падать сейчас было никак нельзя. Впереди, как маяк в тумане похмелья, маячило то самое повышение. Начальник отдела продаж. Мечта, которую Константин Игоревич томительно мусолил передо мной уже не первый год, но теперь, наконец, появилась конкретная, освободившаяся вакансия. И по моему более чем

скромному мнению, я заслуживала её, как никто другой. Я была не просто хорошим продавником — я была лучшим. Цифры кричали об этом громче любых слов.

Размышляя о грядущем повышении, я уже мысленно переставляла мебель в просторном кабинете с видом не на соседнюю бетонную коробку, а на парк, и потому почти не обратила внимания на дорогу. К офису я подъехала на автопилоте.

Рядом со мной, грациозно вписавшись в парковочное место, приткнулся ярко-розовый минивен, на капоте которого красовался покрытый глиттером единорог. Значит, Юлька уже здесь. И, что характерно, приехала раньше меня — верный знак того, что она либо полна энергии после вчерашних подвигов, либо горит желанием их обсудить.

Подходя к стеклянным дверям офиса, я приняла железное решение: ни слова. Ни единого намёка девочкам о ночном приключении. Они замучают меня до смерти — сначала шутками, потом вопросами, а Юлька наверняка потребует номер телефона «этого бога с пятого этажа». Нет уж. Эта история умрёт здесь и сейчас, запертая в четырёх стенах моей спальни и в памяти одного-единственного свидетеля. Сегодняшний день должен быть посвящён только карьере. Только повышению. Всё остальное — несущественный шум.

Пока я суетливо размещалась за своим столом и сбрасы-

вала сумку, включая компьютер, в общем чате всплыло сообщение от Кати:

«Девочки, жду на обеде в кафетерии. Без опозданий!»

Я уже набирала ответ:

«Буду. Только без подробностей про вчерашнее, ладно?»

Когда внезапно гул голосов в опен спейси затих, сменившись напряжённой тишиной. Я торопливо убрала телефон в ящик и подняла глаза.

В отдел вошёл Константин Игоревич. Его обычно добродушное лицо было строгим, а походка — тяжёлой.

— Добрый день, коллеги. Как вы, наверное, уже слышали, в компании прошла внеплановая проверка. Выяснились некоторые системные нюансы, касающиеся части руководящего звена. Но сейчас не об этом. Думаю, всех интересует, почему сегодняшний день начался позже обычного?

В ответ раздалось одобрительное гудение. Люди переглядывались, ожидая развязки.

— Так вот, нам пришлось в срочном порядке менять часть руководящего состава. Новые назначенцы попросили эти два часа, чтобы ознакомиться со своими отделами. И теперь позвольте мне представить вам человека, который будет определять стратегию нашего ключевого подразделения. Вашего нового начальника отдела продаж.

Время замедлилось до полной остановки. Воздух стал густым. Моё сердце сорвалось с места и начало молотить по рёбрам. Неужели? Сейчас? Мне наконец дадут то, чего я за-

служивала все эти годы?

Ладони вспотели, став холодными. Я вытерла их о юбку.

«Господи, — пронеслось в голове, — а что говорить? Спасибо за доверие? Я готова к новым вызовам?» Я приготовилась встать.

— Вольнов Артур Станиславович, — чётко произнёс Константин Игоревич.

Из-за его спины в отдел шагнул мужчина. Мои розовые замки, выстроенные из надежд, обрушились, оставив после себя пыль. С каждым его шагом мои руки становились ледяными, а сердце провалилось в пустоту.

Нет. Нет. Нет. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. Меня накрыло волной ледяной паники, а следом — горькой обидой и глухим страхом. Это была моя должность! И всепоглощающий стыд: этого человека я знала.

Мой сосед. Тот самый, которого я приняла за эскортника и провела с ним неистовую ночь. Сейчас он стоял в безупречном черном костюме, с белоснежной рубашкой и тёмным галстуком. Его лицо было серьёзным, замкнутым и холодным. Ни тени той усмешки, того огня в глазах, что были вчера.

Его взгляд нашёл меня и задержался. В его глазах мелькнула искра узнавания. Не смущения, не улыбки.

Всё. Фиаско. Это полное, тотальное фиаско.

— ...Искренне надеюсь, что мы сможем найти общий язык и вывести отдел на новые высоты, — закончил он свою

речь, которую я благополучно прослушала, утонув в собственном паническом внутреннем монологе.

Раздались вежливые, не слишком громкие аплодисменты. Я машинально хлопнула несколько раз, чувствуя, как ладони деревяннеют.

— Ну что ж, — кивнул Константин Игоревич, — дальше, Артур Станиславович, надеюсь, вы справитесь сами. Мне ещё в другие отделы представлять новых руководителей. — Они обменялись крепким, деловым рукопожатием. Константин Игоревич бросил на отдел последний оценивающий взгляд и вышел, оставив нас наедине с новым начальником.

В наступившей тишине было слышно, как гудит вентилятор в системном блоке у кого-то из коллег. Вольнов медленно обвёл взглядом комнату, на мгновение остановившись на мне.

— Итак, коллеги, — раздался его голос. Низкий, уверенный, без тени вчерашней лёгкости и игривости. — Давайте начнём с краткого совещания. После обеда в переговорной. Каждый расскажет о контрактах, с которыми сейчас работает. Без воды, только факты и цифры. — Он сделал паузу. — Александра Сергеевна, зайдите ко мне.

Скомандовал он и повернулся, направляясь в сторону своего нового кабинета, даже не обернувшись, в полной уверенности, что я последую за ним.

Глава 4

Я подарила себе ровно пару минут, стоя у своего стола и глядя в экран монитора, будто изучая что-то важное. Глубоко дыша, на счет: вдох на четыре, задержка на семь, выдох на восемь. Нужно было затолкать клубок из паники, обиды и стыда куда-нибудь поглубже, под слой профессионализма. Только после этого, нервно оправив пиджак и юбку, хотя они и так сидели безупречно, я поднялась и пошла следом за удалившимся новым начальником. По коридору, который вдруг показался бесконечно длинным, к кабинету, который должен был быть моим.

Уязвлённая гордость и осознание абсурдности ситуации нашептывали:

«Подай заявление. Сейчас. Сохрани достоинство».

Но тут же, как холодный душ, всплывал здравый смысл: ипотека. Та самая, которой я так радовалась и гордилась, теперь стала золотыми наручниками. Чёрт меня дёрнул купить квартиру в этом престижном, а значит — чудовищно дорогом — районе. Найти работу быстро — ещё куда ни шло. Но вот получить сопоставимую зарплату...

Здесь у меня были наработанные проценты с продаж, приятные бонусы и верные, «свои» клиенты, которые шли за мной. В другом месте пришлось бы начинать почти с нуля, и годы ушли бы на то, чтобы выйти на прежний уровень.

Так что, остановившись перед стеклянной матовой дверью с новой, чужой табличкой «А.С. Вольнов, начальник отдела продаж», я несколько раз глубоко вдохнула-выдохнула. Хорошая мина при плохой игре. Только деловой тон. Ничего личного. Решив так, я постучала. Слишком резко.

— Входите, — раздался из-за двери голос.

Поворачивая ручку, я в последний раз прокрутила в голове сценарий:

«Я вас не знаю. Вчерашний вечер — случайность, не имеющая отношения к работе. Все ваши намёки оскорбительны».

Кабинет был просторный, залитый утренним светом из большого окна за спиной хозяина. На стеллажах из тёмного дерева аккуратно стояли папки и пара книг. Широкий стол из светлого дерева. И кресло — большое, кожаное, новое.

«Всё это могло быть моим, — кольнуло где-то под рёбрами, остро и нестерпимо. — Это я должна была обживать здесь».

— Присаживайтесь, Александра Сергеевна, — он указал на стул напротив.

Я опустила руки. Руки сложила на коленях, чтобы не выдать дрожь. И подняла на него взгляд. Прямой, с вызовом. Не буду прятаться. Не буду опускать глаза.

— Слушаю вас, Артур Станиславович.

— Я изучил ваше личное дело и документы, с которыми вы работали в последнее время, — он откинулся на спин-

ку своего кожаного трона, сцепив пальцы. Поза хозяина положения. — Столько успешных, прибыльных контрактов. Честно говоря, я несколько удивлён. Не понимаю, почему вас не продвинули на эту должность.

Потому что у меня нет нужного набора хромосом, потому что я не хожу в курилку с генеральным, потому что я «слишком амбициозна», — яростно пронеслось в голове. Но лицо оставалось маской вежливого внимания. Я лишь чуть пожала плечом.

— Руководству виднее, — произнесла нейтрально, осознав, что он ждёт хоть какого-то ответа.

— Что ж, — он снова наклонился вперёд, взял со стола толстую папку. — Ваш крайний закрытый контракт. С компанией «АвтоСтандарт».

Да, этот. Он дался мне с таким трудом, что я до сих пор видела перед глазами кислое лицо и слышала сомневающийся голос их коммерческого директора. Тот занудный тип всё пытался выбить скидку, угрожая уйти к конкурентам. Но в итоге подписал на наших условиях, устав от моей настойчивости и железной логики.

— Вы проделали блестящую работу, — сказал Вольнов, и в его голосе послышались нотки неподдельного профессионального интереса. — Признаться, мне бы очень хотелось посмотреть на ваши методы в действии.

Он говорил о работе, но его длинные, сильные пальцы перебирали страницы контракта — медленно, почти ласково.

И это движение вызвало в памяти не конференц-зал, а темноту спальни и то, как эти же пальцы... Я резко оборвала мысль, чувствуя, как по щекам разливается предательский жар.

— Как пожелаете, — быстро ответила, на секунду отведя взгляд к окну, чтобы собраться.

— Как пожелаю, — тихо, растягивая слова, повторил он. Пауза повисла в воздухе, густая и многозначительная. — Вы можете идти, Александра Сергеевна. Видно, вам не терпится... — это же слово, таким же тоном, слегка приглушённым, он говорил вчера, прежде чем... — приступить к работе.

Я резко повернула к нему голову, поймав его взгляд. Но его лицо оставалось непроницаемо-серьёзным, каменным. В глазах — ни тени насмешки, только холодная деловая внимательность. Была ли это игра? Или мне мерещится?

— Хорошо, — кивнула, поднимаясь. Слишком резко, чуть не задев стул.

Я вышла из его кабинета так стремительно, будто за спиной был пожар. Его присутствие действительно обжигало — невидимым, токсичным пламенем, которое съедало уверенность и оставляло после себя только смятение. Воздух в опенспейсе показался внезапно спёртым. Я прошла к своему столу, чувствуя, как на меня смотрят коллеги — с любопытством, с сочувствием, с вопросом:

— Ну и как новый?

«Новый...» — мысленно повторила я, опускаясь в кресло.

Он был новым во всём. Новый начальник. Новый сосед. Новый, чудовищно сложный уровень игры, правила к которой мне ещё только предстояло понять.

Глава 5

«Дыши, Саша. Просто дыши. Мир не рухнул. Ты справишься», — бормотала я себе под нос, стоя перед зеркалом в уборной и в который раз плеская в лицо ледяную воду, которая стекала за воротник блузки, вызывая мурашки. Отражение в зеркале казалось чужим: слишком широкие глаза, бледность под тональным кремом, сжатые в тонкую ниточку губы.

Просидев за своим столом минут пятнадцать и чувствуя на себе любопытные взгляды коллег я не выдержала и почти бегом направилась в уборную, где вот уже минут десять пыталась привести себя в порядок. Получалось с переменным, прямо скажем, ничтожным успехом. Мысли метались, как испуганные птицы в клетке, ударяясь о решётку одного и того же:

«Он здесь. Он мой начальник. Он всё помнит».

Дальше сидеть в каморке с ароматом цитрусового освежителя было глупо. Сделав последний, самый глубокий вдох, я в последний раз плеснула в лицо водой, словно пытаюсь смыть не только следы стресса, но и само воспоминание о его пронизывающем взгляде. Промокнула лицо бумажным полотенцем, оставив на нём размазанные следы туши, вышла. Надо было возвращаться.

Работа сегодня меня совсем не отвлекала. Боже, я даже со-

средоточиться на простейшем отчёте не могла! Цифры плясали перед глазами, сливаясь в абстрактные узоры, а в ушах стоял эхо-звон от собственного голоса: «Как пожелаете».

Я постоянно чувствовала на себе взгляды коллег, которые то и дело косились в мою сторону с тем выражением, в котором смешивались любопытство и едва прикрытое злорадование. Но меня с грехом пополам утешала мысль, что все мою нервозность списывают на банальную обиду — мол, проиграла, не справилась, теперь киснет. И я была почти уверена, что в курилке или за чашкой кофе уже обсуждают, как «Саньку наконец-то поставили на место». Пусть. Это был безопасный, привычный яд. Он был куда менее страшен, чем правда.

С огромным, почти физическим трудом я досидела до обеденного перерыва и чуть ли не первой рванула в кофейню. Общение с подругами — шумное, бесцеремонное, лишённое всякого офисного лоска — всегда возвращало меня к реальности. Так, поболтав о ерунде, я смогу хотя бы на полчаса вытеснить из головы не нужные мысли.

За столиком у окна девочки уже сидели, оживлённо о чём-то споря. Взяв себе лёгкий салат и крепкий чай для бодрости духа, я подсела к ним.

— Ну что, тебя можно поздравить? — оживлённо, с искоркой в глазах спросила Катя.

— Я вот ни разу не сомневалась, — с хитрым прищуром вставила Юля, откладывая в сторону телефон.

— С чем поздравить? — сделала я удивлённые глаза, тщательно пережёвывая лист салата и делая вид, что абсолютно не понимаю их намёков. — Пока ещё неизвестно, какой он на самом деле, этот новый начальник. Может, тиран, а может, просто мажор со связями.

Жалостливые, сочувствующие взгляды подруг были сродни выжатому лимону — кислыми и обжигающими. Так и хотелось запить их чем-то сладким, приторным, чтобы перебить эту горечь. Я глотнула обжигающего чая, проглатывая вместе с ним горький комок обиды, и растянула губы в улыбке.

— А у вас-то что нового? Давайте-ка лучше про вас, — перевела тему, не в силах выдержать ещё минуту этих соболезняющих вздохов.

— Да сама знаешь, нашу Тамар Палну даже бульдозером не сдвинешь с места — махнула рукой Катя. — Всё же главбух с двадцатилетним стажем, у неё подвязки в налоговой крепче титана.

— Ой, а у нас новый, — затараторила Юля, и её глаза загорелись. — Такой весь обаятельный и улыбочивый. Харизматичный. У нас половина коллектива уже на него глаз положила, а вторая половина делает вид, что нет.

— Ну, собственно, что и требовалось ожидать, — фыркнула чувствуя, как понемногу возвращаюсь в привычную колею. — В отделе кадров работают исключительно женщины. И кто это додумался привлекательного, холёного мужчину

пустить в такой коллектив? Это как лису — в курятник. Или, вернее, петуха — к стае хитрых лис. — Девчонки захихикали, и я сама не удержалась улыбнулась, представив эту картинку.

— Ты, Сашка, не понимаешь главного, — наставительно начала Юля, тыча в меня вилкой. — Красивый мужик, с хорошей должностью, да ещё и официально не женатый — это не просто лакомый кусок. Это готовый сюжет для офисного романа мечты.

— О, уже и это выяснили? — протянула, доедая последний кусочек салата. — Ну, мне это всё равно не понять. Какой смысл крутить роман на работе? Рано или поздно всё кончится или скандалом, или увольнением, или и тем, и другим.

— Много ты понимаешь, — пренебрежительно махнула на меня рукой Юля. — А твой-то как?

— Нормально. Мужчина как мужчина, — пожала я плечами, заталкивая обратно в самый тёмный угол памяти те самые развратные и отчаянно яркие картинки с его участием. «Профессионал», — ехидно добавил внутренний голос.

— Юль, ну что ты к Сашеньке пристала, — укоризненно сказала Катя, кладя руку мне на запястье. — Сама понимаешь, ей сейчас не до того.

— А, ну да, — сразу сбавив веселье, ответила Юля, и в её глазах мелькнуло искреннее сожаление. — Саш, не парься. Этот гусь, полюбовому, долго не задержится. А ты своё место

всё равно займёшь. Оно по праву твоё.

— Девочки, давайте не будем об этом, — тихо, но твёрдо попросила, допивая уже остывший чай. — Лучше расскажи, Юлёк, как ночь-то провела? Тот красавчик с барной стойки как?

— Да нечего и говорить, — вдруг расстроено сказала она, и её боевой настрой куда-то испарился. — Зря только время потратила. Тот красавчик... Он, конечно, отличный танцор, но... — Мы с Катей синхронно уставились на неё, замирая в ожидании развязки. — ...ему вообще ничего не мешает. В самом прямом смысле. — Пояснила она, видя наши недоумённые лица. — Нет, правда, я такого облома совсем не ожидала. Всё было идеально, пока он не снял штаны.

Так, поболтав ещё несколько минут и от души посмеявшись над Юлькиными зловключениями, мы разбежались по своим рабочим местам. Возвращаясь в отдел, я чувствовала себя чуть более собранной. Пусть ненадолго, но подруги своими шутками и проблемами отвлекли меня от пропасти собственных мыслей. Теперь предстояло пережить вторую половину дня. И избегать кабинета с матовой стеклянной дверью.

Глава 6

Давно мы не собирались в переговорной все вместе. Воздух был спёртым от сгустившихся амбиций и общего напряжения. Кто-то нервничал, перебирая бумаги, кто-то был собран, сосредоточенно вглядываясь в свои документы. А на меня накатило странное, ледяное спокойствие — словно после ударной дозы стресса организм исчерпал все ресурсы и заглушил эмоции, оставив лишь чистую ясность. Со мной такое часто бывало перед важными сделками, и я была внутренне благодарна этой своей особенности. Хоть что-то сегодня работает как надо.

— Саш, — широко улыбнулся Вадик, сидевший слева, полуобернувшись ко мне на стуле. — А чё тебя этот новый с утра к себе вызывал? Допрашивал? — В его голосе сквозило не просто любопытство, а желание прощупать почву: на чьей я стороне.

— Сама не поняла, — пожала плечами, стараясь говорить максимально нейтрально. — Сказал, что я хорошо работаю, и ему интересно посмотреть на мои методы.

Ответ прозвучал как отрепетированная скороговорка. Я сжала папку с текущим договором, на этой неделе я твёрдо рассчитывала его подписать.

— О-о-о, — протяжно и едко заметила Лера, сидевшая напротив, не отрываясь от своего маникюра. — Так хорошо,

что на должность главного взяли кого-то со стороны.

— Лерунчик, — ласково, с притворным умилением протянул Вадик. Он знал, что Лера ненавидит, когда её имя коверкают. Она действительно сморщилась. — Такая ты у нас... Всё слышишь, во всех разговорах участвуешь. Прям молодец. Кстати, а как там договор с Самойловым? — спросил он с нарочито-невинным выражением лица. Лера побледнела, а затем густо покраснела. — Удалось его уговорить на сотрудничество? Или он всё-таки предпочёл работать с тем, кто обсуждает количество закупаемого товара, а не планы на свидание?

Эту историю, кажется, знал уже каждый в отделе. Как Лера, увлѣкшись холѣным видом клиента, устроила вместо деловых переговоров неловкий флирт. В итоге Самойлов, устав от её назойливого внимания «не по делу», вежливо отказался и перешѣл к Игорю.

— Ах ты, наглый прыщ! — вырвалось у Леры, и она резко вскочила, готовая разразиться тирадой.

— Как у вас, однако, интересно, — раздался спокойный, низкий голос, разрезавший накалѣнный воздух.

Все замолчали, разом обернувшись к двери. Вольнов стоял на пороге. Появление его никто не заметил — все были слишком поглощены разворачивающимся скандалом. Он не выглядел ни рассерженным, ни удивлѣнным. Скорее... заинтересованным наблюдателем. Его взгляд, холодный и оценивающий, медленно скользнул по Лере, потом по Вадиду и на

секунду задержался на мне.

— Ой, прошу прощения, — виновато, с натянутой улыбкой пропищала Лера, поспешно вставая. За ней, словно по команде, поднялись и все остальные.

— Прошу садиться, коллеги, — ровно сказал Вольнов, неспешно проходя к торцу стола. Его движения были неспешными и уверенными, он явно не нуждался в громких звуках, чтобы утвердить своё присутствие. Он сел в кресло, сложил руки на столе. Мы опустились обратно на стулья — тихо, почти неслышно. — Надеюсь, с очерёдностью выступлений вы уже определились? — спросил он, и в его голосе прозвучала не просьба, а первая, мягкая проверка на профпригодность. В комнате повисла тишина, в которой был слышен лишь гул кондиционера.

— Да, конечно, — торопливо, с готовностью ответил за всех Кирилл, сидевший ближе всех к новому начальству. — От меньшей суммы к большей.

Самая большая сумма контракта была у Иры, потом — у меня. Так что у меня было время не просто привыкнуть к присутствию Вольнова, а хотя бы заставить пульс вернуться в норму. Чёрт бы побрал всё это. Пока его не было в комнате, я почти уверилась, что снова управляю своими эмоциями. Но стоило ему войти — переступить порог тем самым лёгким, уверенным шагом, — как это противное, предательское волнение снова охватило меня, сжимая горло и заставляя судорожно сглатывать. Видимо, должно было пройти гораздо

больше времени, чтобы я начала воспринимать его просто как начальника, а не как того самого мужчину, чьи прикосновения до сих пор отдавались эхом в памяти.

Я беспомощно смотрела в открытую папку. Перед глазами плясали цифры и буквы, сливаясь в нечитаемые узоры. Выступления коллег шли каким-то далёким, приглушённым фоном, как радио в соседней комнате. Вот уже поднялся Вадик, отбарабанил свой отчёт с показной бодростью, и... настала моя очередь.

Сердце ёкнуло. Я встала, почувствовав, как колени слегка подрагивают. Протянула папку Вольнову и начала рассказывать, голос, к моему удивлению, звучал ровно и чётко — спасибо годам тренировок.

— Я веду переговоры с владельцем пяти автомастерских, Ковалёвым, и уже практически убедила его заключить договор именно с нами. «Вектор», с которым он сотрудничает сейчас, предлагает цену выше нашей на десять процентов. Кроме того, у них в последнее время увеличилось количество брака на производстве. Итоговая планируемая сумма составляет чуть более двух миллионов.

— Отлично, — кивнул он, не отрывая от меня взгляда. Его лицо было совершенно бесстрастным. — Когда собираетесь подписаться?

— Планирую в конце этой недели.

— Хорошо. Садитесь. Следующий.

Я опустила на стул. Внутри что-то облегчённо дрогну-

ло. Пронеслось. Он вёл себя... абсолютно нормально. Строго, по делу. Потом выступала Ира, блистая цифрами, а я ловила себя на мысли, что уже почти поверила в эту иллюзию нормальности.

— Показатели за последние полгода более чем достойные, — подвёл итог Вольнов, когда Ира закончила. — И если крупные контракты не сорвутся, к концу месяца весь отдел продаж может рассчитывать на премию. Спасибо всем. Можете быть свободны.

Все уже поднялись, задвигали стулья, зашелестели бумагами, когда его голос снова, чуть громче, разрезал шум:

— И ещё один момент. На подписании всех крупных сделок, начиная с сегодняшнего дня, я буду присутствовать лично.

В комнате на секунду повисла тишина, а затем гул голосов возобновился с новой силой — уже с оттенком недовольства и тревоги. Коллеги переглядывались.

Все разошлись по своим местам. Весь оставшийся день я была занята работой, но иногда всё же всплывали не нужные мысли. Неужели он и вправду меня не узнал? Или просто настолько профессионален, что железной стеной отделяет рабочее от личного? Ладно, — отмахнулась я от этой мысли, — пусть даже так. Главное, что он никак мне об этом не напомнил. Пока.

Сейчас волновало другое. Я уже года два сама вела и завершала все переговоры с ключевыми клиентами. Без свиде-

телей, без лишних глаз. Присутствие начальника — да ещё этого — на моей территории, в моей игре, выбивало почву из-под ног.

Дорогие мои, любимые читатели! Если вам нравится книга, не забывайте добавлять в библиотеку. И я буду очень рада вашим комментариям, любым, за исключением тех, что несут в себе оскорбления или откровенный спойлер. И конечно же подписывайтесь на автора, чтобы не пропустить горячие новинки####

С любовью, Тина Сладкова.##

Глава 7

Спустя несколько дней я почти убедила себя, что переживала зря. На работе с появлением нового начальника вообще ничего не поменялось. Никаких особых придинок или внезапных проверок. Не было и тени каких-либо намёков с его стороны. Более того, я ни разу не поймала его взгляд, задержавшийся на мне дольше положенного. Я даже ни разу не встретила его ни возле дома, ни в лифте. Словно он испарился, растворился в городской среде, а та ночь и правда была лишь плодом моей разгорячённой фантазии. Я была бы несказанно рада, если бы это оказалось правдой. Но увы. Стыд и недоумение были слишком реальными.

— Зря засиживаешься, — бросил Вадик, проходя мимо моего стола с курткой на плече. — Такими темпами о личной жизни можно забыть вовсе.

— Мне нужно перепроверить всё ещё раз, — отозвалась, не отрываясь от бумаг. — Завтра встречаюсь с клиентом. Идеальных сделок не бывает. К тому же, теперь ещё и начальник будет присутствовать. Не хочу ударить в грязь лицом.

— Ну и что? — Он уселся на край моего стола и беззаботно улыбнулся. — Вроде нормальный мужик. Не орет, не мелочится. Вряд ли будет придиратся.

— Вадик, ты как вчера родился, — я закатила глаза, от-

кладывая ручку. — Вольнов сейчас просто присматривается и собирает информацию. Заметил, что он ещё никому не сделал замечания за опоздание или за слишком долгий обед?

— Ну так я и говорю — адекватный!

— Нет, Вадюш, — вздохнула, — это значит, что в конце месяца, на планерке, он всех «вскроет» по списку подготовленных замечаний. Накажет скопом и по делу. И кто знает, дойдёт ли до выговоров или даже увольнений? Мне, честно, проверять на себе не хочется. На мне ипотека висит.

— А вот если бы ты меньше времени уделяла работе и больше — своей личной жизни, — сказал он с той странной, затаённой надеждой в голосе, — может, и не пришлось бы брать ипотеку в одиночку.

Его намёки всегда были такими — неуклюжими, но настойчивыми. Я знала о его симпатии ко мне уже пару лет, но... как говорится, не тянет. А я ещё не в том возрасте, чтобы строить отношения «потому что пора» или «потому что удобно».

— Ладно, поболтали и хватит, — отрезала с лёгкой улыбкой, возвращаясь к документам. — Мне ещё закончить надо.

— Тебя подождать? Провожу?

— Нет, спасибо, иди. Завтра увидимся.

Он вздохнул, неохотно поднялся и медленно поплёкся к выходу, оглядываясь на меня в последний раз.

Я частенько оставалась в отделе допоздна. Работать, когда никто не отвлекает разговорами, звонками и бесцельным

хождением туда-сюда, нравилось мне гораздо больше. Конечно, можно было бы брать работу на дом, но я туда не стремилась. Пустая, тихая квартира, в которой никто не ждал, вызывала у меня гораздо меньше энтузиазма, чем даже этот полумрак офиса с мерцающими экранами.

«Может, кота завести?» — мелькнула очередная банальная мысль.

— Почему вы ещё здесь?

Голос раздался прямо за моей спиной, в метре от меня, в полной тишине опустевшего опен спейса. Я вздрогнула так, что ручка выскользнула из пальцев и с лёгким стуком упала на пол. Обернувшись, я увидела его. Вольнов. Он стоял без пиджака, в рубашке с расстёгнутым верхним воротником и закатанными до локтей рукавами. Как он подошёл так бесшумно?

— Документы проверяю, — выдавила, нагибаясь, чтобы поднять ручку, и чувствуя, как кровь приливает к лицу от неловкости. — Последние детали перед завтрашней встречей.

— Это можно было сделать и дома, — отметил он, его взгляд скользнул по разбросанным на столе бумагам.

— Да, конечно, — кивнула, начиная собирать листы в папку, стараясь делать это не слишком торопливо. «Просто уходи, уходи, уходи», — стучало в висках.

Я встала, прибирая рабочее место, и украдкой взглянула на него. Он стоял неподвижно, прислонившись к соседнему

столу, и, судя по всему, не собирался исполнять моё молчаливое желание. Напротив, он наблюдал.

— Собрались? — наконец спросил он. — Отлично. Я вас подвезу.

Он даже не стал спрашивать моего согласия. С этими словами он подошёл к шкафу и достал моё пальто.

— Благодарю, но я... лучше сама. Не хочу вас обременять.

— Время позднее, — отрезал он, поворачиваясь ко мне. В его голосе появились стальные нотки. — Если с вами что-то случится по дороге, я буду считать себя ответственным. И до конца своих дней буду мучиться угрызениями совести. — Он держал пальто на вытянутых руках, ожидая. — Вы ведь не хотите, чтобы я страдал?

— Да... то есть, нет, конечно нет, — сдалась, чувствуя, что снова теряю контроль над ситуацией.

Я короткими шагами подошла к нему и позволила накинуть пальто на плечи. Его пальцы на мгновение коснулись ткани у моих плеч, поправляя воротник. Касание было лёгким и от этого ещё более будоражащим.

— Вот и славно, — произнёс он, и в уголках его губ дрогнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку.

Вольнов подошёл к двери, открыл её и придержал, кивком приглашая выйти первой. Мы молча направились к лифту. От одной только мысли, что мы сейчас окажемся вдвоём в тесной, замкнутой кабине, где будет пахнуть его парфюмом

и слышно дыхание, сердце начало биться с такой силой, что, казалось, он должен был его услышать.

Глава 8

Я неотрывно украдкой наблюдала за ним, пока мы ждали лифт. Он стоял совершенно спокойно, уставившись в матовые створки, и, казалось, не ощущал моего присутствия ни на физическом, ни на каком-либо другом уровне. Он даже не попытался нарушить тягостное молчание пустой беседой о погоде или работе. Это безмолвие было хуже любых слов.

— Прошу, — он плавно указал рукой на открывшиеся створки.

Я вошла и максимально отодвинулась к дальней стене, сжимая сумку как щит. Двери закрылись с глухим щелчком. Лифт с лёгким толчком начал движение вниз. Тишина внутри стала звонкой, густой, наполненной лишь тихим гулом механизмов и его дыханием. Внутренне я вся сжалась, ожидая — нет, почти требуя — чтобы что-то произошло. Он что-то скажет. Сделает шаг. Взглянет. Но ничего. Лифт плавно остановился, двери открылись, и мы так же молча вошли в подземный паркинг.

Этой же гнетущей процессией мы дошли до его машины — серого внедорожника, который казался продолжением его самого: сдержанный, дорогой, подавляющий. Он бесшумно открыл мне дверь пассажирского сиденья. Я села, и салон сразу наполнился его запахом — лёгким шлейфом дорогого парфюма, кожи и чего-то неуловимого, чисто мужского.

Этот запах был невыносимо знакомым.

Машина тихо вырулила с парковки и выехала на ночную улицу, освещённую жёлтыми фонарями.

— Знаете, Александра, у меня создалось стойкое ощущение, что вы меня намеренно избегаете.

Сердце ёкнуло где-то в районе горла.

— Ну что вы, вам показалось, — ответила, пристально всматриваясь в мелькающие за окном огни, как будто в них был скрыт ответ на все вопросы.

— Если это из-за того...

— Артур Станиславович! — резко, почти отчаянно перебила я. Говорить об этом было последним, чего я хотела в этой жизни. — Завтра я подписываю контракт с Ковалёвым. Мы встречаемся в четыре вечера. Как вам удобнее: вы подъедете к назначенному времени самостоятельно, или отправимся сразу вместе из офиса?

В салоне повисла пауза. Тяжёлая, наполненная невысказанным. Потом он тихо усмехнулся. Звук был невесёлым, скорее — понимающим.

— Вместе, — чётко ответил Вольнов.

Он понял. Прекрасно понял, что я возвожу стену, и, кажется, согласился её не штурмовать. Слабое, почти эфемерное облегчение шевельнулось во мне. Может, ему и вправду хватит ума и такта больше не лезть в прошлое?

Машина бесшумно остановилась у подъезда. Не дожидаясь, пока он обойдёт, чтобы открыть дверь этот жест галант-

ности сейчас казался бы пыткой, я быстро выскочила наружу.

— Спасибо, что подвезли! — бросила через плечо, выходя, и почти побежала к двери подъезда, яростно копаясь в сумке в поисках ключей.

Но у лифта он меня нагнал. Как он успел так быстро припарковаться и догнать? Его шаги были неслышными, а присутствие — внезапным и неотвратимым. Мы снова вошли в кабину вместе.

Лифт едва тронулся с места, набрав скорость для подъёма на мой этаж. Где-то между вторым и третьим этажом раздался резкий, сухой щелчок. Мужская рука протянулась мимо меня и нажала красную кнопку «СТОП».

Мир замер. Гул механизмов стих, сменившись оглушительной, давящей тишиной. Свет в кабине стал каким-то болезненно-ровным и безжалостным.

Он медленно повернулся ко мне. Его лицо было серьёзно, а в глазах горел тот самый огонь, которого я так боялась — смесь решимости, интереса и чего-то тёмного и соблазнительного.

— И всё же, — тихо произнёс он, и его голос в замкнутом пространстве звучал как раскат грома, — нам стоит поговорить.

— О чём? — сухо спросила. Даже не собиралась пугаться. В конце концов, мы всё прояснили. Деловой разговор, ничего личного.

— Нам будет крайне неудобно, если вы, Александра Сергеевна, продолжите меня избегать.

— Я не... — я собралась возразить, но он не дал.

— Вы избегаете, — отрезал он резко, и в его голосе впервые прозвучало лёгкое, но ощутимое раздражение. — Давайте раз и навсегда проясним смущающий вас момент. Для ясности: отношения на работе я не завожу. Никакие. То, что было той ночью...

— Случайность, — быстро вставила я, — которая больше не повторится. И не должна. — Закончила за него, глядя куда-то в район его подбородка.

Он молча смотрел на меня несколько секунд, и тишина в кабине лифта стала звенящей. Потом он медленно, почти бесшумно, подошёл ко мне практически вплотную. Пространство между нами исчезло, заполнившись жаром его тела и терпким, едва уловимым запахом дорогого парфюма с нотками кожи. От этой внезапной близости пульс предательски и громко заколотился в висках, а во рту мгновенно пересохло. Мозг отключился, выдав хаотичный сигнал тревоги. Я уж было подумала... Нет, не может быть... Но он лишь медленно поднял руку, протянул её мимо моего лица и дотянулся до кнопки, снова запуская лифт.

— Стоило ли останавливать лифт, если мы так быстро всё прояснили? — спросила насмешливо, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— А вдруг вы бы выскочили на первом же этаже, где оста-

новится лифт, — парировал он, не отводя от меня взгляда, — лишь бы не разговаривать. Вы на это способны.

— Это уже слишком, — прошептала, чувствуя, как горят щёки.

Лифт, наконец, добрался до моего этажа. Двери открылись со спасительным звуком.

— До завтра, — бросила, выскальзывая наружу, не оглядываясь.

— Доброй ночи, Александра Сергеевна, — донёсся вслед его ровный голос. И двери сомкнулись.

Всё. Инцидент исчерпан. Повода для беспокойства больше не было. Границы обозначены. Так я думала, ложась спать и тщетно пытаясь не вспоминать, как его взгляд скользнул по моим губам в тот миг, когда он стоял так близко.

Глава 9

— Александра Сергеевна, почему отчёт по убыткам за этот месяц ещё не готов? — Его голос, низкий, вкрадчиво-мягкий, с той самой опасной хрипотцой, которая будто царапала по коже, раздался прямо за спиной. Совсем рядом с правым ухом.

Тёплое дуновение воздуха коснулось шеи. Я вздрогнула, обернуться не успела. Его руки медленно, будто в замедленной съёмке, опустились на стол по обе стороны от меня, с гулким стуком. Запирая в тесную клетку, состоящую из деревянного стола, дорогого парфюма и его подавляющего присутствия. Я стояла в его кабинете, прижатая к холодному столу, и замерла, боясь пошевелиться, будто любое движение спровоцирует хищника.

— Он... он готов, — голос не слушался, срываясь на хриплый шёпот.

— Это вы называете отчётом? — Мужчина с лёгким, презрительным щелчком бросил на стол прямо передо мной синюю папку. Из неё веером, с шуршащим звуком по гладкому дереву разлетелись абсолютно белые, чистые листы. Они были пусты. Совершенно пусты.

— Это... это чья-то глупая шутка, — забормотала, чувствуя, как накатывает паника. — Там был отчёт! Я сама его распечатывала!

— Прекрасно, — прошипел он, и его губы почти коснулись моей кожи. — Тогда, может, вкратце расскажете суть? Устно. — Его дыхание, горячее и ровное, шевелило волосы, закрывающие мою шею.

— В этом месяце... в сравнении с предыдущим, в котором показатели были вдвое выше... — начала я на автомате, глотая воздух, но резко осеклась.

Его рука — большая, тёплая, с длинными пальцами — медленно, почти невесомо коснулась волос у моего виска, а затем отвела прядь, обнажив шею. И тогда... тогда я задохнулась. Его губы — горячие, влажные, знакомые и чужие одновременно — прикоснулись к обнажённой коже. Сначала это было лёгкое, почти воздушное касание, затем — более уверенное, оставляющее на коже жгучую влагу. Он целовал шею медленно, методично, словно изучая карту чувствительных точек, которую уже однажды составил.

— Продолжайте, Александра Сергеевна, — приказал он шёпотом, не отрывая губ, и его голос вибрировал прямо у моего уха, заставляя всё тело содрогаться.

Его руки, до этого лежавшие на столе, пришли в движение. Они скользнули вдоль моих боков, обхватив талию, а затем поползли вниз, к бёдрам, сжимая их сквозь тонкую ткань юбки. Раздался отчётливый, громкий в тишине кабинета звук расстёгиваемой молнии. И моя юбка тяжело рухнула к ногам.

— Артур Станиславович... — позвала, но голос был чу-

жим, прерывистым. Я не понимала, что происходит и, что страшнее, почему каждая клетка моего тела кричала не о сопротивлении, а о... продолжении.

Он не ответил. Вместо этого его руки крепко обхватили мои бёдра, и он резко, почти грубо, развернул меня к себе. И набросился с поцелуем. Не так, как целовал шею. Этот был страстным, жадным, диким, лишённым всяких условностей. Его губы жадно захватили мои, язык требовал ответа, и мир сузился до точки жара внизу живота и гула в ушах. Воздух казался раскалённым, непригодным для дыхания.

Он оторвался, и прежде чем я успела сделать вдох, его руки схватили меня за талию и с лёгкостью усадили на край стола. Холодное дерево коснулось кожи. Его взгляд, тёмный, будоражащий, скользнул вниз. Его губы снова опустились на шею, спускаясь ниже, к ключице, к вырезу блузки. Его пальцы принялись за пуговицы — не торопясь, но без колебаний. Одна, вторая... Грудь опалило жарким поцелуем сквозь тонкое кружево бюстгалтера, но он не стал снимать его. Вместо этого двинулся ниже. Его губы провели линию по животу, а руки скользнули по моим ногам, поднимаясь по бёдрам, легко касаясь кружевного края чулок, выше, к самому горячему и чувствительному месту...

Его руки поднялись ещё выше, добрались до узких кружевных трусиков и, зацепив большими пальцами за края, начали медленно, неумолимо стягивать их вниз. Я приподняла бёдра, помогая ему в каком-то безумном трансе. Холодный

воздух кабинета резко, вызываяще коснулся разгорячённой, невероятно чувствительной кожи. Его губы, следуя за движением рук, стали подниматься по внутренней стороне бедра...

Я откинулась на стол, упёрлась ладонями в холодное дерево, и бессознательно провела рукой по своей груди, слыша, как собственное дыхание превратилось в прерывистые стоны...

Резкий, визгливый, безжалостный звон будильника врезался в сознание как нож.

И кабинет, и холод стола, и сам он — стоящий на коленях, с тёмным, голодным взглядом — мгновенно дрогнули, закружились и растворились. Осталось только давящее ощущение реальности, стук сердца в горле и влажное, стыдное тепло между ног. Я лежала в своей кровати одна, и в тишине комнаты эхом отдавался его шёпот: «Продолжайте, Александра Сергеевна...»

Я уставилась в потолок, ещё чувствуя на губах привкус его поцелуя, а на шее жгучую влагу. Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться. По телу растекалась тяжёлая, сладкая истома, а низ живота ныл от нестерпимого желания.

Я зажмурилась, но картинки не исчезали. Его руки на моих бёдрах. Его губы на шее. Мои собственные стоны, такие громкие, такие искренние в этом бредовом мире. Я резко села на кровати, срывая с себя одеяло. Надо было встать, умыться, стереть с кожи это призрачное ощущение. Смыть его.

Рука сама потянулась к ящику тумбы, чтобы достать верного помощника, но я пресекла это желание на корню, нет уж, я не настолько сошла с ума, чтобы удовлетворять себя, вспоминая этот дурацкий сон.

Я глубоко, с надрывом вдохнула и поднялась с кровати. Ноги были ватными. В зеркале меня встретило бледное, заспанное лицо с горящими глазами. Надеюсь, контрастный душ приведёт меня в рабочее настроение.

Чёрт, сегодня же ещё встреча с клиентом. После душа я была уже не так взвинчена и отправилась на работу, увы, на общественном транспорте, машина моя всё ещё была в ремонте, и когда я её теперь заберу, никто не знает, даже мастер, ремонтирующий её.

Глава 10

— Доброе утро, — голос Вольнова раздался прямо за моей спиной.

Я вздрогнула и обернулась. И замерла на секунду.

Он находился в нескольких метрах от подъезда, на нём были спортивные серые штаны, облегающие и низко сидящие на бёдрах, и... всё, между прочим, на улице середина осени, а не знойное лето, но ему, видимо, было всё равно. Футболка была небрежно перекинута через плечо. Солнце, только-только пробивавшееся сквозь кроны деревьев, золотило его загорелую кожу, выделяя каждую линию напряжённых мышц на животе, каждую линию на груди и плечах. Он дышал ровно, но глубоко, и это движение грудной клетки было завораживающим.

Это что, шутка такая, Вселенная? Злая, целенаправленная и абсолютно беспощадная? Только-только удалось вытеснить из головы тот дурацкий, слишком реалистичный сон, только сделала первый глоток кофе из термокружки... и пожалуйста — живая, дышащая иллюстрация к развратным сценам из сна. Да ещё и в таком... формате.

Боже, перед глазами опять всплыли картинки. Не навеянные сном, а самые что ни на есть настоящие. В ту ночь он выглядел точно так же: полуобнажённый, сильный, опасный. Тепло разлилось в груди. Так, Саша. Взяла себя в руки. Ты

взрослая, успешная женщина, а не подросток в пубертате, впервые увидевший обложку журнала с красивым мужиком. Прекрати глазеть.

— Александра Сергеевна, с вами всё в порядке? — спросил он, и в его голосе послышалась едва уловимая, но чёткая нота насмешки.

Его слова заставили меня буквально оторвать взгляд от его торса. Я быстро моргнула, переводя взгляд на его лицо. Оно было сосредоточенным, чуть уставшим от пробежки, но глаза... глаза смотрели слишком внимательно.

— Да, — выдавила, заставляя губы растянуться в нечто, отдалённо напоминающее улыбку. — Всё в порядке. Доброе утро, Артур Станиславович.

И, не дожидаясь ответа, резко развернулась на каблуках и быстрым, почти бегущим шагом пошла к остановке. Ещё не хватало опоздать на работу из-за него. В отличие от некоторых я себе этого позволить не могла.

Конечно, ему можно. Ему можно прийти на полчаса позже, потому что он начальник. Ему можно бегать полуголым у подъезда, потому что... потому что он, видимо, так привык. И кто его будет останавливать?

Пока я шла, в голове крутилась одна и та же мысль, отчасти ироничная, отчасти раздражённая: не думала, что он ещё и бегаёт по утрам. Такими темпами, если другие жильцы нашего дома увидят этого... привлекательного полуобнажённого Аполлона на пробежках, у нас будет самый спор-

тивный и целеустремлённый дом в районе.

На остановке я прислонилась к стене павильона, стараясь отдышаться. Не от ходьбы — от внезапности. От стыда. От этой навязчивой, невыносимой близости, которая теперь преследовала не только на работе, но и у самого порога дома. Автобус подъехал почти сразу, как по заказу.

До двух часов дня я практически ничем не занималась. Отчёт по рискам и убыткам висел на Кирилле, а на мне — только текущие клиенты и один, почти уже закрытый контракт. Перечитывать его бумаги в сотый раз уже не было ни сил, ни смысла — всё было отточено до блеска.

Но, как и все в офисе в периоды затишья, я старательно изображала бурную деятельность на всякий случай. На случай, если из того самого кабинета с матовым стеклом выйдет Вольнов и его взгляд, холодный и оценивающий, застанет меня за просмотром ленты в соцсетях.

— Александра Сергеевна, добрый день, — неожиданно, нарушая офисную тишину, зазвонил мобильный. Я быстро отложила карандаш, которым чертила в блокноте узоры.

— Добрый день, Семён Константинович, — сказала, стараясь, чтобы в голосе звучала лёгкость и полная готовность. При этом машинально взглянула на часы. Неужели незаметно пролетело время и уже четыре? Нет, всего два часа.

— Что-то случилось?

— Нет-нет, что вы! — послышался его слегка усталый голос. — Всё в порядке. Просто хотел договориться с вами... перенести нашу встречу. Не в офис, а в одно уютное местечко. «Лаванду», ресторанчик неподалёку от вас. Дело в том, — он слегка понизил тон, будто делаясь секретом, — что день выдался адским, я с утра за городом, ни крошки во рту. Так что предлагаю совместить приятное с полезным: обсудим детали за ужином. Надеюсь, вы не против?

— Конечно, как вам будет удобно, — отозвалась без колебаний. — Во сколько вас ждать?

— Так же в четыре. Я уже забронировал столик.

— Договорились, — сказала и сбросила вызов, легко вздохнув.

Ещё же нужно предупредить нового начальника о смене локации. Я подошла к его кабинету, к этой злополучной матовой двери, постучала.

— Входите, — донёсся из-за двери голос.

Я вошла. Он сидел за своим столом, освещённый холодным светом монитора, который отражался в его тёмных глазах. Он не выглядел уставшим — скорее собранным, да и с чего бы ему устать, пришёл на полчаса позже.

— Слушаю вас, Александра Сергеевна, — сказал мужчина, оторвавшись от экрана. Его взгляд был нейтральным, деловым. Ни тени утренней насмешки.

— Артур Станиславович, встреча с Ковалёвым сегодня переносится в ресторан.

— В какой именно? — спросил, не меняя выражения лица, но его взгляд стал чуть пристальнее.

— «Лаванда». Он расположен в двух кварталах отсюда, на Петровской, — пояснила, чувствуя, как под его взглядом хочется добавить что-то вроде «это стандартная практика для таких переговоров». Но я промолчала.

— Хорошо. Можете быть свободны, Александра Сергеевна. Через час жду вас на парковке.

Глава 11

Весь оставшийся час я только и делала, что терзалась одной навязчивой мыслью: зачем так рано ехать в ресторан? Встреча назначена на четыре, клиент, скорее всего, придет ко времени или максимум на десять минут позже. Выходит, мы будем сидеть и ждать его целый час. А быть может... Вольнову нужно сначала куда-то заехать по своим делам и он решил, что я буду кстати? Или, что ещё хуже, это какая-то проверка, тест на профпригодность — как я поведу себя в нестандартной ситуации? Бред, конечно. Но отгонять эти мысли было бесполезно.

Пойти к нему и прямо спросить я, разумеется, не решилась. Ровно через час, как и было велено, я собралась, взяла папку с двумя экземплярами договора и вышла из отдела — чтобы буквально столкнуться в коридоре с начальником. Он словно поджидал меня у двери.

— Артур Станиславович, — не удержалась, когда мы спускались на лифте вниз, — а зачем мы так рано выезжаем? До встречи ещё целый час.

Он повернул ко мне голову, и в его глазах мелькнула та самая, едва уловимая искорка, которая всегда меня настораживала.

— Если скажу, что я просто так захотел, вас это устроит? — спросил он, не моргнув глазом.

Конечно, нет! Но вслух я ничего не сказала, лишь сдержанно, почти незаметно, кивнула, стараясь изобразить полное понимание, покорность судьбе и начальству.

Ситуация резко изменилась, когда на следующем этаже в кабину втиснулось ещё несколько человек. Пространства стало катастрофически мало. Я подвинулась оказавшись в опасной близости от него. Его рука, случайно или намеренно, совсем легко касалась моего бедра через тонкую ткань юбки. Отодвинуться было некуда — спереди напирали люди. Может, он не замечает? — отчаянно пыталась я убедить себя.

Когда вошла ещё одна пара, пространство окончательно исчезло. Я оказалась буквально зажата между холодной металлической стеной лифта и его телом. Слишком близко. Слишком жарко. Слишком... волнительно. Я сжимала в руках сумочку, будто это был спасательный круг, и пыталась унять взбесившийся пульс, отдававшийся гулко в ушах.

— Александра Сергеевна, — тихо, так, что слышала только я, произнёс он, наклонившись чуть ближе. Его дыхание, тёплое и ровное, обожгло мне щёку. — Вы так напряжены. Бойтесь замкнутого пространства?

Да твою ж мать... Просто отодвинься! Я сглотнула внезапно ставшую вязкой и горькой слюну и, стараясь говорить ровно, ответила:

— Не люблю давку.

И мысленно принялась призывать лифт двигаться быст-

рее, куда угодно, только бы вырваться из этой ловушки.

Наконец, на первом этаже вышла большая часть народа, и я, стараясь не делать резких движений, смогла отодвинуться на шаг. Но дистанция всё равно оставалась минимальной. Этот мужчина слишком сильно, просто ненормально, влиял на меня одним своим присутствием. И я отлично понимала, что это не просто непрофессионально — это опасно.

Пока мы шли к его машине я только и думала об одном: как избавиться от этой дурацкой реакции. Кроме глупого и, на мой взгляд, сомнительного метода «клин клином вышибают» ничего в голову не приходило. Но мысль о близости с другим мужчиной, даже гипотетическая, не вызывала ровно никаких эмоций, кроме лёгкой тоски. Может, стоит хотя бы сходить с кем-нибудь на свидание? Хотя бы эксперимента ради... Ну вдруг я не только на Вольнова так реагирую, а вообще нимфоманка скрытая.

Я очнулась от своих размышлений только тогда, когда машина плавно остановилась у странного, незнакомого здания. Мы были явно не в том районе, где находится «Лаванда». Здание было невысоким, двухэтажным, с заколоченными окнами и строительными лесами у одной из стен. Оно явно находилось в процессе ремонта или, скорее, долгого и мучительного ожидания его.

— Зачем мы здесь? — спросила, выходя из машины вслед за ним и с недоверием оглядывая облупившийся фасад.

Он, не отвечая, подошёл к массивной металлической две-

ри и достал из кармана ключ, с лёгким скрежетом открыв её.

— Это помещение наша компания выкупила неделю назад, — сказал он, пропуская меня вперёд. Внутри пахло пылью, сыростью и старой штукатуркой. — Здесь планируется открытие фирменного магазина с нашей продукцией.

— Мне казалось, что запчасти для машин прекрасно продаются через дилеров и онлайн, без таких... точек, — осторожно ответила, проходя дальше в полумрак большого зала.

— Планируется расширение ассортимента, — его голос прозвучал гулко в пустом пространстве. — Наш холдинг недавно приобрёл небольшую обанкротившуюся компанию, которая занималась производством специальной краски для аэрографии и перекраски машин.

— И вы думаете, это будет рентабельно? — не удержалась я, в голосе прозвучало неподдельное сомнение. Рискованное вложение в непонятный сегмент.

— Это решение было принято на самом верху, — пожал он плечами, и в его жесте читалась лёгкая отстранённость. — Только время покажет, будет ли в этом прок. — Он сделал паузу и повернулся ко мне. — Но я привёз вас сюда не для дискуссии о стратегии. Мне нужно, чтобы вы взяли на себя контроль над ремонтом и подготовкой этого помещения.

Вот оно. Второе дно.

— Артур Станиславович, — начала, медленно складывая руки на груди, — я менеджер по продажам. А не прораб, не снабженец и не дизайнер интерьеров.

— Это всё равно нужно кому-то сделать, — парировал он, и в его тоне появились стальные нотки. — А из всех в отделе вы показались мне самой мотивированной на результат. И способной разобраться в чём угодно. К тому же у вас большая клиентская база и вы сможете с максимальной выгодой и скидками сделать эту работу.

Такое ощущение, будто в мой огород только что прилетел увесистый камень, завёрнутый в бархат. «Мотивированной» после того, как у меня из-под носа увели должность. Очень тонко.

— В общем, понятно, — произнесла вслух, уже выстраивая в голове цепочку.

Генеральному, видимо, скучно — купил он эту, прости господи, развалюху-компанию. Нашёл, на кого скинуть головную боль. А этот «кто-то» — я покосилась на Вольнова, стоявшего в луче света пробивающегося сквозь пыльное окно, — благоразумно скинул всё на меня.

— И какие, собственно, бонусы? — спросила прямо, глядя ему в глаза. Надеюсь, он не думал, что я буду горбатиться за просто так, «ради опыта». Основную-то работу с клиентами и планами продаж никто с меня не снимал. Это был чистый овертайм.

Он чуть скосил глаза, будто оценивая мою наглость.

— Премия, — сказал он односложно.

Я выразительно вздёрнула бровь. Молчание было красноречивее любых слов.

— ...Двойная премия, — добавил он после паузы.

— Уже ближе к истине, — кивнула я.

— Вознесенская, не наглейте, — сказал он, но в углу его губ дрогнула едва заметная усмешка. Притворное возмущение. — Двойная премия по итогам квартала. И три отгула на любые дни.

Я обдумала это буквально за пару секунд. Деньги — хорошо. Отгулы — ещё лучше, учитывая, что отпуск только через полгода. И... да, это вызов. Новая, непонятная задача, где можно не только облажаться, но и блеснуть.

— Договорились, — твёрдо сказала и повернувшись, начала осматривать помещение уже совсем другими взглядом — оценивая метраж, состояние стен, расположение окон.

Вообще-то, это даже интересно. Поработать в несвойственной роли, выйти из зоны комфорта. И доказать, в первую очередь самой себе, что я справлюсь с чем угодно.

Глава 12

В ресторан мы приехали ровно без десяти четыре. Пока я обходила будущий магазин, записывая в заметки очевидные проблемы, время пролетело незаметно. Но у самого входа в ресторан я резко отбросила все лишние мысли. Сейчас есть только одна цель: контракт. Всё остальное — *его* присутствие, будущий магазин — должно было отойти на второй план.

Ковалёв уже сидел за столиком у окна, куда нас проводила улыбчивая администратор. Он изучал меню, но, увидев нас, сразу же отложил его в сторону.

— Рад видеть, вы просто очаровательны сегодня, Александра Сергеевна, — сказал мужчина, поднимаясь. Его рукопожатие было тёплым, крепким, чуть затянутым.

— Благодарю, Семён Константинович. Позвольте представить: Артур Станиславович Вольнов, наш новый начальник отдела продаж, — с безупречно вежливой улыбкой произнесла, отступая на шаг, чтобы дать мужчинам пространство.

— Приятно познакомиться, — кивнул Ковалёв, пожимая руку Вольнову. Его взгляд на секунду задержался на новом лице, оценивающе и быстро. — Слышал, у вас в компании перемены. Надеюсь, это пойдёт только на пользу нашим общим проектам.

Присутствие Вольнова, к моему удивлению, не внесло ни каких перемен. Он вёл себя безупречно: немногословно, внимательно слушал, в нужный момент вставлял точную, деловую реплику. В принципе, всё и так было готово: документы юристы Ковалёва уже прошерстили вдоль и поперёк, все спорные моменты были улажены ещё на прошлой неделе. Так что встреча свелась к приятной, ни к чему не обязывающей беседе за чашкой чая. Мы обменялись парочкой дежурных фраз о рынке и наконец, каждый поставил свою подпись на экземплярах договора. Всё. Контракт закрыт. Ещё один уверенный плюс в мою копилку.

— Ну что ж, поздравляю нас с успешным сотрудничеством, — улыбнулся Ковалёв, отодвигая свой стул. — Александра, может, составите мне компанию? Останемся, отметим? Закажем что-нибудь покрепче чая, — добавил он с намёком, и его взгляд скользнул по мне.

В принципе, Ковалёв был вполне симпатичным мужчиной: высокий, с широкими плечами, грубоватыми, но выразительными чертами лица. В нём чувствовалась уверенная, почти первобытная харизма солидного человека, привыкшего добиваться своего. Я могла бы себе позволить остаться. Просто посидеть, поддержать лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт — это же часть игры, часть работы. Но я даже не успела открыть рот, чтобы вежливо согласиться или так же вежливо отказаться.

— Простите, Семён Константинович, но у Александры

Сергеевны на сегодня ещё запланировано несколько важных встреч, — раздался ровный, не оставляющий шанса для возражений голос Вольнова. Он уже встал, поправляя манжет рубашки. — Надеюсь, вы нас извините.

Ковалёв на миг замер, его брови чуть приподнялись. Взгляд скользнул с моего начальника на меня, будто ища подтверждения или хотя бы моего собственного мнения. Но говорить что-то против теперь значило бы подрывать авторитет руководителя прямо перед ключевым клиентом. Немыслимо.

— Жаль, — разочарованно протянул Ковалёв, но тут же спохватился, вновь надевая маску делового партнёра. — Что ж, тогда в следующий раз.

— Непременно. — сказала сохраняя на лице неизменную, чуть сожалеющую улыбку и встала вслед за Вольновым.

Ещё раз обменявшись рукопожатиями и формальными любезностями, мы вышли на улицу.

— Александра Сергеевна, а вы куда? — спросил Вольнов, когда я повернула в сторону офиса. Его машина стояла в противоположной стороне.

— На работу, — ответила, останавливаясь. — Пройдусь пешком, это быстрее, чем стоять в пробке.

— Садитесь в машину, — проговорил он уже не предложением, а мягким, но не терпящим возражения приказом. Не оборачиваясь, он нажал на брелок, и внедорожник коротко мигнул фарами.

Пожав плечами — спорить в данной ситуации было и бессмысленно, и непрофессионально — я вернулась и залезла на пассажирское сиденье.

«Ну а вдруг у него опять какие-то сюрпризы запланированы? — пронеслось в голове, пока он заводил мотор. — Нет, если сейчас попытается на меня ещё какой-нибудь „магазин“ повесить — точно откажусь. Наглость имеет свои пределы».

Машина плавно вырулила с парковки и мгновенно влилась в плотный вечерний поток машин, чьи огни растягивались в длинные гирлянды в наступающих сумерках. В салоне повисла тяжёлая, наэлектризованная тишина, нарушаемая только тихим гулом двигателя.

— Разве вы не говорили, что у меня ещё много работы? — спросила с ледяной вежливостью, когда машина, преодолев знакомые повороты, наконец завернула во двор моего дома. — Или это был просто предлог?

Он не ответил сразу, лишь когда припарковал машину и выключил двигатель. Тишина, наступившая после глухого рычания мотора, была оглушительной.

— Вам известно, Александра, — начал он, не глядя на меня, а уставившись в лобовое стекло, — что романы с клиентами компании считаются не просто неэтичными, а прямым нарушением корпоративной политики?

Его тон был отстранённо-деловым, что злило ещё сильнее.

— Знаете, есть большая разница между простой человеческой вежливостью и теми самыми «неэтичными отношениями», о которых вы говорите, — холодно, отчеканивая каждое слово, бросила я. — Так вот, я просто собиралась быть вежливой.

— То есть, когда мы с вами... познакомились, — он нарочито медленно повернул голову, и его взгляд в полумраке салона был тяжёлым и колким, — это тоже была просто «вежливость» по отношению к новому соседу? Какая же вы, оказывается, вежливая, Александра Сергеевна.

Его слова впились в самое сердце, обожгли, как раскалённое железо. Я буквально задыхалась — не от нехватки воздуха, а от этой ядовитой, грязной интерпретации того, что было между нами. Что я позволила между нами. Что-то отвечать? Оправдываться? Унижаться, объясняя мотивы той ночи? Нет. Ни за что. Я просто посмотрела на него — взглядом, полным такого разочарования и презрения, что, казалось, даже воздух между нами должен был застыть. Молча резко открыла дверь и вышла в вечернюю прохладу.

— Александра! — Его дверь захлопнулась почти одновременно с моей. Он догнал меня за два шага, его пальцы крепко обхватили моё запястье, заставляя остановиться. — Пойдите. Простите, я... я не знаю, что на меня наш...

Я не выдержала. Хотя, видит Бог, изо всех последних сил старалась держать себя в руках, быть выше. Всё напряжение дня — унижение, обида, эта невыносимая близость — вы-

рвалось наружу. Я резко развернулась и со всей силы, не думая о последствиях, влепила ему пощёчину. Громкий, сухой хлопок ладони по щеке прозвучал в тишине двора как выстрел. Я не дала ему договорить.

— Оставьте свои дешёвые и пустые извинения при себе, — прошипела, чувствуя, как горит моя собственная ладонь. Я попыталась вырвать руку, но его хватка была железной, неумолимой.

И тогда я увидела это. Вместо того чтобы взбеситься, оттолкнуть меня или наконец отпустить, в его глазах, широко распахнутых от шока, вспыхнул не гнев. В них вспыхнул огонь. Тот самый — дикий, первобытный, узнаваемый. И прежде чем я успела опомниться, он резко, почти грубо, притянул меня к себе. Его губы впились в мои. Это был не поцелуй — это было наказание, захват, заявка на обладание. Мои ноги мгновенно подкосились, а голова опустела, заполнившись только гулом крови и этим всепоглощающим, невыносимо желанным ощущением.

Но в самый последний миг, когда всё тело уже готово было сдаться, в голове как колокольный набат, громче любого гула, всплыли его же гадкие слова: «Какая же вы вежливая». И я, собрав всю силу воли, с усилием, будто отрывая кусок самой себя, отвернулась, разрывая этот порочный, сладкий поцелуй.

— Отпустите, — тихо, но чётко попросила, и мой голос срывался от этого неправильного влечения и невысказанной

ярости.

Он замер, его дыхание было тяжёлым, прерывистым.

— Мне правда жаль, — хрипло выдавил он, держа меня в объятиях. — Я повёл себя как последний идиот. Я перешёл черту.

— Полностью с вами согласна, — горько усмехнулась, наконец вывернувшись из его рук. На этот раз он не удерживал. Его пальцы разжались, оставив на коже жгучие следы. — Надеюсь, это безобразие больше не повторится. Ни слова, ни... это.

С этими словами я развернулась и пошла к подъезду уверенной, гордой походкой, в которой не было ни капли той дрожи, что сотрясала меня изнутри.

Ноги подкосились, и я медленно сползла на пол в прихожей. Лишь тут, в полной темноте и тишине, я позволила себе выдохнуть. Позволила глупым, предательским гормонам вспомнить этот поцелуй — сладкий, отчаянный, с горьким привкусом обиды, разочарования и неистребимой, запретной страсти.

Ладонь, ударившая его, всё ещё горела. А губы... губы помнили каждое движение, каждое касание. И от этого противоречия хотелось или кричать или плакать. Но я не сделала ни того, ни другого. Я просто сидела на полу в темноте, слушая, как бешено бьётся сердце, и понимала, что кажется искать новую работу всё же придётся.

Глава 13

Хорошо, что впереди были выходные. Целых два дня, чтобы отлежаться, отдышаться и попытаться выкинуть из головы этот безумный каскад

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.